

ЧЕРНЫЙ
ГОРИЗОНТ

Пролог

Красное солнце уже скрылось за горой, чья карминная тень опрокидывалась на растущий у подножия лес и спрятавшийся в нем поселок.

Это было довольно крупное поселение. Угрюмые дома с трех сторон обступали центральную площадь. Уцелевшие бетонные стены послевоенных руин обшили деревом и камнем, небрежно и без особого умения. Большая часть домов была без окон, а немногочисленные отверстия в стенах закрывали деревянные ставни. Четвертая сторона площади выходила на поля, сюда вела широкая дорога, остатки асфальтового шоссе старых времен: посыпанная шлаком, чернившим босые стопы путников.

Именно этим трактом пришел конвой: черный червяк, воняющий потом, калом и кровью, состоящий из нескольких десятков взрослых и такого же числа детей в возрасте четырех-пяти лет.

— Стоять! — хриплый крик прорезал воздух, долетев до идущих в две шеренги людей.

Резкий удар боли прошел их спины, словно удар бичом. Почти одновременно все они упали на колени, повернувшись в сторону йегера и непроизвольно склонив головы. Дети плакали, пытаясь придвинуться к родным, но те не реагировали. Девочка, маленькая и худая блондинка со спутанными волосами, вместо того, чтобы упасть на колени, подбежала к матери. Но дождалась только удара по лицу. Кровь брызнула у нее из

носа, ребенок покачнулся, упал, заревел в голос. Женщина даже не взглянула на дочку, лишь еще сильнее скорчилась, согнулась в поклоне, впиваясь пальцами в землю. Не помогло.

— Ты! — Скакун йегера даже не шевельнулся, но на миг показалось, будто слуга балрогов приблизился к женщине, склонился над нею, вырос.

Черная немезида вынесла приговор.

Женщина затряслась, пала лицом вниз, изо рта ее потекла пена, из ушей — кровь. Корчилась на земле, но, даже умирая, она не отважилась произнести ни слова.

— Плохо воспитывала. Слишком ласково.

Йегеры редко говорили длинно. Не давали они и хороших советов. Порой, как этот вот ваффенриттер, они поучали. Не слишком часто — похоже, любили, когда люди нарушают правила, поскольку тогда их можно было наказывать.

Как эту мать, которая не научила свою дочь покорности и послушанию. Дальше на западе детей отбирали у рабынь сразу после родов, но тут, в Восточной Марке, система все еще не работала как должно.

Но заработает. *Ordnung muss sein*¹.

Но пока что йегеру нужно было доставить этих людей в указанное место. Детей проверят, а потом — отдадут. Родители погибнут, а смерть их насытит кожу транспортов, ежедневно уходящих отсюда к столице. Боль умирающих даст силу охранным фагам и выстроит вокруг экипажей магические барьеры, Миражи, охраняющие их от шпионских глаз, да будут они прокляты.

Ваффенриттер уже чувствовал силу этого места, странную и чуждую магию Горы. Он хотел как можно быстрее вернуться на запад, где логова Владык наполняют его сознание наслаждением. Чтобы успокоиться, он несколько раз хлестнул плетью магии своих пленников. Помогло.

¹ Порядок должен быть (нем.).

ЧЕРНЫЙ ГОРИЗОНТ

Потом он махнул рукой. Местные рабы, до того времени ожидавшие в стороне, прошли меж стоящими на коленях людьми. Они были скорее подростками, чем взрослыми, с изуродованными лицами, со следами ужасных ран, некогда им нанесенных. Левые глазницы их заслоняли грязные и потрепанные полотняные повязки. Они поднимали детей, всматривались в их лица, порой били по щекам, следя за реакцией. Приближали к себе головки малышей, и тогда из-под повязки на глазу проскакивала вспышка, искра яркого света, на миг конденсируясь в воздухе в тонкую, жилистую ветку, прикасавшуюся ко лбам и глазам детей.

Они знали: каждое движение их отслеживается йегером, и если совершат ошибку, то и сами присоединятся к колонне. Отбор должен дать Дракону лучшую кормежку, чтобы попало как можно меньше похожих на них: клейменных, но отринутых.

Родители ожидали в молчании, а ваффенриттер время от времени стегал их болью, чтобы заглушить зуд чужой силы, проникающей под его черный доспех, да еще чтобы дать себе предчувствие лукуллового пира, который начнется одновременно с вечерними убийствами.

Глава 1

Тропинка шла параллельно реке, обычная земляная насыпь, со слоем щебенки, облицованная вязанками хвороста. Достаточно широкая, чтобы между деревьями хватило места коню и всаднику, сильно заросшая; ею пользовались только военные патрули, что присматривали за этими землями, и геоманты, ухаживавшие за поставленными на берегу пограничными столпами. За рекой начиналась ничейная земля.

Ночь была ясной: почти полная луна золотистым сиянием расцвечивала небосвод, гладкий, словно зеркало темного стекла с впаянными желтыми крошками звезд. Когда Каетан поднимал глаза, то видел над собою ленту этого бескрайнего свода, совпадающую с ходом лесной тропы. Ветки деревьев, вырастающие над ней, казались царапинами и трещинами на черной поверхности неба.

Конъюнкции были хорошими, время Рака, что звался также Вратами Человечества. Марс лучился силой, Юпитер прекрасно виден. Подходящий момент для начала опасных предприятий.

Конь ступал неспешно, словно с осторожностью, а то и неохотой. В какой-то момент даже потрянул головой, фыркнул, дернул шеей. Каетан склонился в седле, похлопал скакуна, тихо шепнул:

— Что, старый друг? Снова я беру тебя в место, где не найдется уже хорошего овса из армейских складов. Ха, это

и вправду будет небезопасное путешествие. Но не покидай меня, прошу. Один за всех, все за одного.

Титус снова дернул головой, но на этот раз уже спокойней.

— Ну, конек, мы справимся. Всегда справлялись.

«Всегда» означало последние пару лет. К счастью, новые кони удобней новых любовниц: они не спрашивают, что случилось с предыдущими. А Каетан не смог бы рассказать им ничего веселого. Булат сторел живьем. Гед, со сломанными ногами, добит выстрелом в голову. Майор пропал без вести. И Крак, и Герильяс, и множество прочих. Четырнадцать имен, вытатуированных на правой руке, четырнадцать составных частей силы, которая позволяет вести очередных скакунов сквозь огонь, туман магии, сквозь залпы, смрад йегеров. На смерть.

— Ты вернешься, Титус. Я обещаю, что вернешься. Пусть бы и без меня.

Заверение это, похоже, успокоило коня, и хотя он фыркнул снова, теперь в этом звуке слышались спокойствие и доверие. Каетан не обманывал. Верил, что удастся. Верил, как и все прошлые разы.

Поворот к реке был засажен деревьями, что поросли светящимися в темноте трутовиками. Сияние их было тошнотворным, зеленовато-синим, многие из путников его и не заметили бы среди сплетенных ветвей и густой листвы. Вскоре тропа чуть раздалась, а деревья начали редеть. К шуму леса, нарушаемому только перекличкой ночных созданий, добавился монотонный звук — мелодия текущей реки. Некоторым людям кажется, что шумят только горные ручьи и что гремят лишь падающие с высоты водопады. Что широкие реки долин, усыпленные своим неспешным течением, беззвучно несут воды к предназначению, к нирване пресной H_2O , растворенной в космосе океана. Возможно, так когда-то и было — когда мир казался простым и безопасным, описанным квантовой физикой и теорией эволюции, четко очер-

ченным Эйнштейном, Банахом¹ и Хокингом. Но не теперь. Нынче река рассекает не только скалу, но и геомантические поля, несет песок и частички растворенной магии, дает дом как щуке, так и созданиям куда опасней. Река может плакать и спать, может рассказывать, если кому хватит сил ее расслышать. Даже когда она течет медленно, равнинно-сонная, меживово-сентиментальная, сторожкое ухо все равно выхватит ее шум и прочтет подаваемые знаки.

Каetan реку сначала услышал, а увидел ее, лишь выехав из леса прямо на песчаный пляж. Темная вода была мутной, отражала свет звезд, но бледно, размыто, так, что лишь слабый отблеск скользил волнами. Круглый диск луны превращался в размытое овальное пятно, рябящее в ритме движения воды. Но благодаря этим отблескам удавалось заметить, как меняется течение. Оно было неровным, плоским, привычным для равнинных рек. О нет! Раз за разом здесь вставали волны, иногда широкие, от берега до берега. Внезапные преграды бугрили ее течение, волна росла, двигалась, чтобы через десяток секунд расточиться и уступить место новой. Одновременно на поверхность прорывались и поперечные потоки, неритмичные и пугающие. Эти рождались реже, но неожиданней; вода тогда вставала почти вертикальной стеной, на миг недвижно замерев, а потом резко неслась к противоположному берегу. Порой такие фронты рождались одновременно по обе стороны реки, бежали друг к другу, будто фаланги двух армий, чтобы столкнуться, разбиться и рассеяться посреди потока. Возможно, так оно и было — возможно, это напряжение геомантической магии, хранящей польский берег, отражало атаки хаоса, как боевые отряды защищают отчизну от орд варваров.

Столь же внезапно в реке возникали и водовороты, способные проглотить лошадь вместе с всадником, то и дело

¹ Банах Ст. (1892–1945) — польский математик, один из лидеров Львовской математической школы.

ЧЕРНЫЙ ГОРИЗОНТ

здесь слышались всплески, когда нечто огромное било хвостом по воде; растопыренные тени выныривали и проходили под поверхностью.

Все эти водовороты, волны, водопады раз за разом взблескивали отраженным светом, перекрывали друг друга, погружаясь в тень, сплетались и расточались. Порой блеск на поверхности, казалось, складывался в сложные узоры, изменяясь согласно ритму неясных, но реальных правил. Матрицы эти сливались в огромные световые пятна, чтобы через миг вновь распасться на тысячи дробинок. Пятна света и тьмы, казалось, строили и размывали картины, множились и погибая в столкновениях с более сильными узорами. Словно они были частями мгновенного эволюционного процесса, слишком быстрого для человеческого взгляда и его инструментов познания, но при этом подобного идущей миллионы лет эволюции живых существ.

Каetan глядел на реку молча. Наконец он сдвинулся с места, направив коня вправо, к вырисовывающейся в темноте высокой сглаженной форме. Геомантический монолит стоял, вдавленный в поросший редкой травой песок, примерно на половине расстояния между лесом и берегом. Его окружала низенькая ограда из медных прутьев, покрытых усиливающими заклинаниями. Да и сам камень, параллелепипед высотой метра в четыре, был исписан охранительными рунами и надписями. Геоманты позволили себе несколько без малого агрессивных заклятий, которые сумели бы — при благоприятных асцендах — даже атаковать пришельцев на другом берегу. На верхушке монолита стоял каменный крест, а на каждой из граней был вырезан орел в короне.

Каetan остановился у камня. Не сходил с коня, просто склонил голову, произнося молитву перед последним отчим ларом. Уже через миг он ощутил мурашки на коже — словно по ней бежали миллионы мушиных лапок. Но это не было неприятным — скорее, ласковым, мягким. Камень одарял его

накопленной силой. Каетан чувствовал, как воздух вокруг него и коня сгущается от нанокадабр. Он завершил «Отче наш» и плавно перешел к защитным мантрам, желая усилить воздействие монолита.

Когда он решил, что готов, то легким толчком пяток заставил коня развернуться. Направил его чуть в сторону, к маленькому каменному столбу у самого берега, тому, что обозначал брод. Титус не протестовал, тоже, видимо, чувствуя, что он в безопасности. И только когда вода намочила его копыта, тихо заржал. Что-то плеснуло неподалеку справа, гладь реки впереди забурлила, газовый пузырь тихо лопнул чуть ли не под ногами. Но конь шел спокойно. Казалось, вода отодвигается от всадника, создает углубление, ровик, идущий от берега к берегу. Неспokoйная река зло зашумела, принужденная к движению против своей воли, но не решилась атаковать броню нанокадабр, охраняющих человека и его коня.

Когда они добрались почти до середины потока, там, где власть менгиров резко ослабевала, река вскипела, приподнялась, хаотическая магия пыталась захлестнуть пришельцев. Встала высокой волной, будто брызгами от водопада, бьющего снизу, наперекор силам гравитации. Усиливаясь с каждым мгновением, та перла на всадника, уже превосходя его ростом.

Каетан не подгонял коня. Он привстал в седле, отпустив повод, прошептал заклинание. Пальцы его выплетали сложные знаки боевых ката, двигаясь в беззвучном ритме, будто играя на невидимой арфе. А потом человек резко оборвал эту игру, поднял руки. Между его ладонями появилась светящаяся лента, которую он резко швырнул в сторону волны. Сверкающая полоса на лету сформировала петлю, та перерезала водяную гору, а потом захлестнулась на ней, словно на шее огромного монстра.

На миг все замерло, а река утихла. А потом волна распалась с громким плеском, в брызгах, заливая коня и всадника струями воды.

ЧЕРНЫЙ ГОРИЗОНТ

На другой берег они выехали мокрыми, но в безопасности. По крайней мере, на время.

Позади осталась Речь Посполитая, перед ними раскидывались дикие, почти безлюдные земли Зоны.

Он оставил позади далекую Польшу, мир стабильной географии, удерживаемой в неподвижности магией эльфов, мегалитами и церквями — гвоздями, прибывающими горизонт к основаниям мира. Теперь же он покидал и Западные Кресы¹, пояс земли, шириной примерно километров в сто, что тянулся вдоль границы — куда едва-едва вернулась власть людей. Здесь ставили крепости, здесь геоманты стабилизировали географию, здесь почти каждый день велись битвы с тварями и силами, насылаемыми балрогами. Но все же это была уже Польша: возвращаемая с трудом и в постоянных стычках, но — Польша, земля людей и эльфов. Вокруг военных твердынь вырастали пригороды, вставали фермы и фабрики по переработке пищи, малые биоперегонные заводы, водные электростанции и ветряные мельницы. За армией шли гражданские: поляки, беженцы из Украины и Венгрии, русские и финны. Оседали здесь и немногочисленные беглецы с запада, которым удавалось выбраться из-под власти Черных.

И вот эту наполовину безопасную, все еще отравленную магией землю нынче и покинул Каетан. Он не впервые пересекал пограничную реку, чтобы открывать новую Европу, лежащую под властью балрогов. Он, Каетан Клобуцкий, королевский географ.

Он въезжал в Зону — пространства дикие и безлюдные, анойкумену², прочесываемую разведчиками и контролируемую из космоса через ясенево-миффильные спутники, но по большей части неопisanную и неисследованную. Обитатели

¹ «Кресами» в польской традиции назывались восточные окраинные регионы Второй Речи Посполитой, находящиеся сейчас в границах Украины.

² Незаселенная земля, пустоши (*древнегр.*).